

*Изящная
словесность*

*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

ГЛАШЕНЬКА

роман

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Глашенька : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100138-4

Любая девушка, выросшая в хорошей семье, рано или поздно убеждается: «книжные» представления о действительности — удел юности. Глаша Рыбакова расстаться со своими наивными иллюзиями не сумела вовремя, и их крушение оказалось болезненным. Глаше «за тридцать», а любовь ее обманула, и яркие надежды молодости, которая прошла в Москве, обернулись жизнью в глуши, и... Надо совершить решительный поступок, который переменит ее жизнь, сделает ее счастливой. Ведь не зря же судьба приводит Глашу в Испанию, дарит встречу с человеком интересным, незаурядным и, кажется, любящим ее?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т.А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100138-4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Станция Дно зияла не августовской, а какой-то осенней тьмой.

Даже не верилось, что вечером, когда Глаша садилась в поезд, перрон во Пскове был пронизан солнцем, и рельсы сверкали весело, и золотые шары у ближних к городу дачных платформ так полны были покоем, что клонились цветочными своими головами к обветшалым дощатым заборам.

Но, конечно, дело лишь в том, что вечером, уже в темноте, пошел дождь. Да, только в этом. Из-за этого так уныло, так безнадежно выглядят теперь станционные постройки, рельсы, фонари. И даже цветы в палисаднике у вокзала — все те же золотые шары — вздрагивают под дождем не покойно уже, а понуро и незащитно.

Глаша смотрела в окно вагона и очень понимала императора Николая Александровича. Не то что от престола отречешься на этой станции Дно — от жизни потянет отречься, пожалуй!

Она любила дорогу из Пскова в Москву и даже не дорогу саму — что уж тут любить, рельсы, что

ли? — а скорую перемену жизни, с которой эта дорога всегда была связана.

Ну да, впрочем, кто же не любит перемен и кто же не связывает их с дальней дорогой? Глаша и в этом смысле представляла собою вполне усредненный человеческий тип.

Думать об этом было не очень-то приятно. Поэтому она поскорее отогнала от себя подобные мысли. Тем более что и поезд наконец тронулся с места — поплыли мимо вагоны товарного состава, стоящего на соседнем пути.

Иллюзия длилась всего несколько секунд. Потом Глаша поняла: не ее поезд тронулся, а наоборот — товарняк. Это его вагоны и цистерны плывут мимо, набирая скорость, а Глашин поезд стоит на месте, и дождевые капли ползут по его оконным стеклам все так же неторопливо, и ветер их не уносит.

«Вот так и моя жизнь, — с той отчетливостью, с которой всегда являются в голову пошлейшие умозаключения, подумала она. — Я сижу в неподвижном поезде, мимо идут вагоны, прицепленные к локомотиву, и оттого у меня иллюзия, будто это я еду».

Ей стало так противно, что хоть накройся с головой одеялом да и рыдай в подушку. Ну с таким ли настроением отправляются в отпуск, да еще куда — к морю, на испанское побережье! Стыдно вам должно быть, Глафира Сергеевна!

Слова эти прозвучали в голове так, словно их проговорила музейная уборщица Наталья Петровна. Глаша не могла припомнить, когда бы это На-

талья Петровна ее стыдила, но голос почему-то слышался именно ее. Наверное, потому, что Наталья Петровна всегда держалась строго и губы у нее всегда были недовольно поджаты.

Как бы там ни было, а заснуть с такими мыслями нечего было и надеяться. Тем более что сосед на верхней полке храпел нестерпимо, и вагон был плацкартный — в другие билетов не было, — и кто-нибудь из пассажиров обязательно ходил по нему из конца в конец, или разговаривал, или пил, и хорошо еще, если не пел.

Глаша надела туфли, взяла из-под подушки сумочку и сама присоединилась к этим вечно бессонным пассажирам — направилась в тамбур.

Курила она мало, но зато плохо, то есть под тоску. А это залог того, что чем старше она будет становиться, тем больше будет курить и тем старше, соответственно, будет выглядеть. Замкнутый круг.

Как только она открыла дверь тамбура, поезд наконец тронулся. Тут уж не иллюзия была: вагон дернулся так, что Глаша ударилась лбом о дверной косяк. Мысль о том, что именно таким образом и развеиваются все ее иллюзии, она постаралась отогнать быстрее, чем эта мысль превратилась в слова. Зачем ей держать в голове очередную расхожую истину?

Она курила, смотрела на уплывающую платформу. И вдруг поняла, отчего ее тоска, отчего крутятся в голове пошлости, напоминающие никому не нужное подведение итогов, отчего не радуется приближение Испании и отчего все это накрыло ее именно здесь, на станции Дно.

Догадка эта была так очевидна, что и догадкой-то не могла считаться. Она ехала по этой же дороге, этим же поездом как раз в тот день, вернее, в ту ночь, когда так резко, так сильно переменилась ее жизнь.

Тогда Глаша была уверена, что переменилась к счастью. Теперь — не знала.

Глава 2

Провожая Глашу на учебу, мама была растеряна страшно. Глаша никогда в жизни ее такой не видела. Она бестолково складывала вещи во все сумки сразу, и многие из этих вещей были совершенно ненужными. Глаша пыталась возражать, но мама приходила от ее возражений в такое отчаяние, будто дочка не громоздкую электрическую кофеварку отказывается с собой взять, а зубную щетку.

— Ведь это твоя любимая кофеварка! — В мамином голосе звенели слезы. — Помнишь, папа тебе ее из командировки привез? И ты каждый день... каждое утро... Я в кухне вожусь и слышу, как ты у себя в комнатке кофе варишь, запах такой... Утро, ты дома, читаешь, занимаешься...

Тут мама начинала плакать, и Глаша, конечно, сразу бросалась ее утешать, уверяя, что кофеварку возьмет с собой непременно и будет вспоминать маму с папой и дом каждый раз, когда станет варить утром кофе, да она и так никого забывать не собирается, ну что ты, ма, ведь я не за тридевять

земель еду, ведь я в Москву, ты вспомни, как мы все мечтали...

— Да. Да. — Глаша видела, что мама изо всех сил старается взять себя в руки. — Конечно, я счастлива. А все-таки ты меня только тогда поймешь, когда свою дочку из дому провожать станешь.

И мама снова принималась набивать сумки — теперь уже продуктами, потому что, Глашенька, ведь у нас тут хотя бы заказы дают на работе, а в Москве кто тебе даст заказ, а магазины пустые стоят, я же помню, как ужаснулась, когда мы с тобой на экзамены ездили...

Папа в сборах не участвовал: считал, что женщины лучше в этом понимают. Он должен был отвезти Глашу в Москву и помочь ей устроиться в общежитие, и это задание считал для себя самым правильным. А брать или не брать кофеварку, это Глашеньке самой лучше знать.

— Ты оставь ее, Маша, оставь, — примирительным тоном говорил он жене. — Что хочет, то пусть и берет.

В общем, день накануне отъезда был хлопотный, бестолковый и слёзный, но Глаша была счастлива.

И как она могла не быть счастлива, когда вдруг, в каких-нибудь две недели, сбылись все ее мечты? Никто не верил, что это возможно, поступить в университет, то есть что для нее это возможно — без единого знакомства не только в МГУ, но и вообще в Москве. Никто не верил, но она поступила. И не то что странно было бы, но просто немисли-

мо, чтобы она теперь испытывала какие-либо чувства, кроме сплошного, кромешного счастья.

И когда псковский перрон отпустил ее наконец, словно вздохнув, когда стал набирать ход увозящий ее московский поезд, Глаша почувствовала такой восторг, что чуть не закричала во весь голос что-то громкое и бессмысленно радостное.

Спать она, конечно, не могла. Они с папой ехали в купейном вагоне — это он взял такие дорогие билеты, хотя, наверное, надо было побереечь деньги на московское житье, — и соседи попались спокойные. Но ни удобства, ни тем более спокойствия Глаше сейчас совсем не хотелось.

Она весь вечер вертелась на своей нижней полке — папа несколько раз спрашивал сверху, почему она не спит, как будто это и так непонятно, — и наконец, дождавшись, пока его дыхание сверху станет ровным, надела тапки и выскользнула из купе.

Глаша впервые попробовала курить в девятом классе, а на выпускном вечере попробовала еще разок. Ни в первый раз, ни во второй ей это нисколько не понравилось. Но сейчас хотелось сделать что-нибудь лихое, совсем себе не свойственное, и покурить — это было самое подходящее. Сигарет у нее, правда, не было, но неважно: в тамбурах всегда кто-нибудь курит — поделятся с ней.

Лихая бесшабашность, охватившая Глашу еще на псковском перроне, позволяла ей теперь с легкостью делать то, что совсем еще недавно и в голову не пришло бы.

Лампочка в тамбуре почти перегорела — све-

тила, но еле-еле, то и дело мигая. Мужчина, куривший у окна, показался Глаше каким-то опасным. Может, потому, что слишком уж он был большой, заслонял окно плечами, а может, из-за такого вот нервного освещения. Тревожные отсветы плясали на его белой рубашке, казалось, что-то меняется в его облике каждую секунду, и непонятно было, что он такое. А вдруг бандит?

Впрочем, эту глупую мысль Глаша сразу отогнала. С чего вдруг бандит? Просто фильм недавно показывали, и там вот именно был бандит, который убил жену главного красавца-чекиста ножом в вагонном тамбуре.

— Извините, — смело сказала Глаша, — у вас не найдется сигареты?

Мужчина обернулся. Теперь отсветы плясали уже на его лице. Это было не тревожно, а красиво. Как на картине Рембрандта.

Глаша не зря любила живопись — она всегда замечала в жизни то, из чего получаются потом картины. И сейчас, глядя на лицо этого незнакомого мужчины, она видела то, что было главным в картинах Рембрандта. В «Ночном дозоре», может? Глаша не успела понять. Это было так неожиданно — ну кто ожидает увидеть рембрандтовский свет в вагонном тамбуре? — что она радостно улыбнулась.

— Сигарета найдется, — сказал этот рембрандтовский человек и протянул Глаше пачку.

— Спасибо.

— На здоровье, — усмехнулся он.

Глаша взяла сигарету, подумала, что надо было

попросить еще и прикурить. Но он и без ее просьбы щелкнул зажигалкой. Глаша закурила и сразу закашлялась.

— Крепкие... — смущенно пробормотала она.

Ей стало неловко от того, что она закашлялась, как маленькая.

— Да, «Житан» крепковат, — сказал он. — Но других нет.

Глашу затошнило, и курить тут же расхотелось. Но как-то неловко было сразу же бросить сигарету, да еще, понятно, иностранную, дорогую. Она стала курить без затяжки, набирая дым в рот.

Он засмеялся.

— Что смешного? — вместе с дымом выдохнула Глаша.

— Вы курите, как птенец.

— Разве птенцы курят?

Ей стало смешно, и она тоже засмеялась.

— При взгляде на вас думаешь, что да. Вы из Пскова едете?

— Да.

— А как вас зовут?

— Глаша. Рыбакова.

Она назвала фамилию по школьной привычке. Он засмеялся снова.

— Глашенька Рыбакова! — сказал он. — Да еще из Пскова. Вы же прямо девочка из книжки!

Нетрудно было догадаться, что он именно так и подумает.

Глашина мама знала книги Каверина чуть не наизусть, потому и назвала ее в честь героини своего любимого романа. Она сама рассказывала Гла-

ше: когда выходила замуж за Сергея Рыбакова, ее будущего папу, то сразу решила, что дочка у нее непременно будет Глашенька. Рыбакова Глафира Сергеевна, в точности по роману.

Псков вообще был каверинский город — и сам он здесь жил в детстве, и Саня Григорьев из «Двух капитанов», и все герои его «Открытой книги», в том числе и Глашенька Рыбакова.

Мамина фантазия совсем Глаше не нравилась. Во-первых, потому, что она не видела ни малейшего сходства между собой и Глашенькой Рыбаковой из книжки. Та была довольно подлая и очень-очень красивая, очень-очень неотразимая — мужчины из-за нее с ума сходили все подряд.

Глаша и ничего подлого вроде бы не делала, и красавицей ее назвать вряд ли кому-то в голову пришло бы. Она была самая обыкновенная, и даже то, что можно было считать в ней красивым — льняные волосы, например, — точно так же можно было считать и обыкновенным. То есть ее волосы претотлично назвались просто русыми. Как у многих.

А во-вторых, из-за книжного имени все то и дело напоминали ей, что она книжная девочка. Вот, пожалуйста — первый же встречный так ее и назвал!

— А меня зовут Лазарь, — сказал он.

Глаша даже про свою досаду позабыла.

— Какое имя необычное! — воскликнула она.

— Мамина фантазия. В память своего покойного отца назвала. Во Пскове я, по-моему, один с таким именем.

— У меня тоже — мамина фантазия, — улыбнулась Глаша.

Лазарь вынул из ее пальцев сигарету и выбросил в окошко.

— Вы же не курите, Глашенька, — сказал он.

Возражать Глаша не стала. Ей уже не хотелось сделать что-нибудь лихое, потому что лихости было достаточно в ее собеседнике. Об этом она догадалась сразу, и даже непонятно почему — он ничего необычного ведь не делал. Но лихость, или не лихость только, а какая-то... лихая точность — да, именно так — чувствовалась даже в том, как он открыл и быстро захлопнул тугое тамбурное окно, когда выбрасывал ее сигарету. И его глаза — широко поставленные, что вообще-то, как известно, является признаком художественно одаренной натуры, — были никакие не художественные, а вот именно лихие.

— Не курю, — легко согласилась Глаша. С ним легко было соглашаться и вообще разговаривать. С ним просто было легко. — Но у меня такое необыкновенное настроение, что и сделать хочется что-нибудь необыкновенное. Не такое, как всегда.

— И почему же у вас такое необыкновенное настроение?

Видно, широкие глаза были ему придуманы природой не для того, чтобы писать картины, а для того, чтобы особым образом смотреть на человека, которого он слушает. Этими своими необычными глазами Лазарь смотрел на Глашу очень внимательно.

— Потому что я поступила в Московский университет! — радостно выпалила она.

— Ух ты как!

Лазарь произнес это так же радостно, как она. Хотя что ему радоваться успехам постороннего человека?

Впрочем, удивилась Глаша этому не очень: ей казалось естественным, что весь мир насквозь сейчас радуется вместе с ней и ею восхищается. Ей хотелось расцеловать весь мир и Лазаря тоже.

Правда, как только эта мысль пришла Глаше в голову, она тут же смутилась. Хороша бы она была, если бы бросилась целовать незнакомого человека! К тому же взрослого: по Глашиным прикидкам, Лазарю было наверняка больше двадцати пяти — предельного возраста, который еще можно было считать молодым.

— Это событие надо отметить, — сказал он.

— А мы уже отметили, — радостно кивнула Глаша.

— Когда это? — удивился Лазарь.

— Сразу же, как только я поступила. Мама испекла пирог, и мы отпраздновали.

Тут Лазарь уже не улыбнулся и даже не рассмеялся, а просто расхохотался.

— Глашенька! — утирая слезы, сказал он. — Тот пирог давно зачерствел! Сейчас, сейчас надо отметить это выдающееся событие.

— Но как же сейчас? — растерялась она. — Прямо здесь, в тамбуре?

— Зачем в тамбуре? В ресторане. В поезде есть вагон-ресторан.